

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ МАКСИМА ТАНКА»

УДК 811'255.4:811.161.3:811.161.1:811'246.2

НИКИТИНА
Надежда Евгеньевна

**АВТОРСКИЙ ПЕРЕВОД С БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ:
БИЛИНГВАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Минск, 2017

Работа выполнена в учреждении образования
«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Научный руководитель –

Трофимович Тамара Григорьевна,
доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой, УО «Белорусский
государственный педагогический
университет имени Максима Танка»,
кафедра белорусского и русского
языкознания

Официальные оппоненты:

Лукашанец Александр Александрович,
член-корреспондент НАН Беларуси,
доктор филологических наук, профессор,
первый заместитель директора по научной
работе, ГНУ «Центр исследований
белорусской культуры, языка и
литературы Национальной академии наук
Беларуси»

Тихоненко Елена Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры, УО «Белорусский
государственный медицинский
университет», кафедра белорусского и
русского языков

Оппонирующая организация –

УО «Гомельский государственный
университет имени Ф. Скорины»

Защита состоится 25 октября 2017 года в 13.00 на заседании совета по защите диссертаций К 02.21.01 при учреждении образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» по адресу: 220050, г. Минск, ул. Советская, 18, ауд. 42; e-mail: lingby@gmail.com, тел. учёного секретаря: (+37517) 200-82-53.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка».

Автореферат разослан 22 сентября 2017 года.

Учёный секретарь совета
по защите диссертаций

Д. В. Дятко

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире, вовлечённом в процесс глобализации, особое значение приобрели межкультурные коммуникации. Стремление народов познать и понять друг друга неизбежно приводят к необходимости обеспечивать основы межкультурного взаимодействия, совершенствовать его условия и пути дальнейшего развития. Авторский перевод как особый вид художественного перевода осуществляет и фиксирует взаимосвязь двух языков и культур, мобилизуя билингвальные способности автора-переводчика, его межкультурную компетенцию.

Авторским переводом (далее – АП) можно назвать речевую деятельность автора исходного текста по его перекодированию средствами другого языка, а также результат этой деятельности. Тот факт, что у оригинального текста и его перевода один и тот же автор, не означает, что они абсолютно идентичны. Это невозможно в принципе, поскольку речь идет о разных языках и культурах, а также об особом виде творческой речевой деятельности билингвальной языковой личности.

В Республике Беларусь рассмотрение АП ограничено характеристикой закономерностей его исторического развития и изучением его литературно-художественных особенностей (Н. В. Денисова (Яковенко)). Лингвистический подход к изучению АП пока осуществляется фрагментарно (А. А. Гируцкий, В. П. Рагойша) и не рассматривался до сих пор в аспекте деятельности билингвальной языковой личности. Исследование языковых особенностей АП с белорусского языка на русский целесообразно проводить на материале художественных произведений, созданных авторами-переводчиками из числа классиков белорусской литературы, т. к. время доказало их роль в становлении и развитии национального языка.

В условиях белорусско-русского двуязычия особого внимания заслуживает анализ речевой деятельности билингвальной языковой личности. Такая речевая деятельность как раз и осуществляется в процессе создания АП с белорусского языка на русский. При создании таких переводов включаются лингвистические механизмы межкультурной коммуникации, которые использует двуязычная личность. Результаты такой деятельности представляют несомненный интерес, поскольку позволяют судить о том, как реализуются возможности белорусского и русского языков при создании АП художественных текстов, что руководит языковой личностью в выборе языковых средств, как связаны эквивалентность перевода и языковая компетентность переводящего. Этим и обусловлена **актуальность** настоящего диссертационного исследования.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Связь работы с научными программами (проектами), темами.

Диссертационное исследование выполнялось в рамках тем научно-исследовательской работы кафедры белорусского и русского языкознания УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка»: «Белорусский и русский языки в диахронии, синхронии, взаимодействии и в современном образовательном пространстве» (сроки выполнения – 2011–2015 гг.; № ГР 20120309) и «Разработка механизмов и способов модернизации лингвометодического обеспечения общего среднего и высшего педагогического образования в условиях реализации компетентностного подхода» (сроки выполнения – 2016–2020 гг.).

Цель и задачи исследования.

Цель исследования – установить языковые особенности АП с белорусского языка на русский, рассмотреть их как проявление билингвальной языковой личности.

Для достижения цели необходимо решить ряд **задач**:

- установить лингвистическую сущность и коммуникативную значимость АП на близкородственный язык как особого вида художественного билингвизма;
- выявить и описать историю АП с белорусского языка на русский в контексте мировой практики АП;
- систематизировать языковые средства экспликации волеизъявлений переводчика в процессе создания АП;
- определить приоритетные направления авторских трансформаций оригинальных текстов при переводе;
- установить особенности взаимодействия белорусского и русского языков при АП;
- определить индекс языковых нарушений, обусловленных билингвизмом авторов-переводчиков.

Объектом исследования являются белорусскоязычные художественные тексты В. Быкова («Сотнікаў»), В. Козько («Суд у Слабадзе») и И. Мележа («Мінскі напрамак») и их авторские переводы на русский язык.

Предметом исследования выступают языковые средства установления эквивалентных отношений между текстом оригинала и текстом авторского перевода.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые комплексному изучению в сравнительном аспекте подвергнуты языковые особенности белорусскоязычных произведений В. Быкова, В. Козько и И. Мележа и их авторских переводов на русский язык. Впервые авторский перевод художественного текста исследован всесторонне как результат речевой деятельности билингвальной языковой личности.

Впервые в белорусском переводоведении освещены лингвистические и коммуникативные аспекты АП на близкородственный язык. Впервые описана история АП с белорусского языка на русский в контексте мировой практики АП; исследованы проблемы межъязыкового взаимодействия близкородственных языков в АП.

Впервые в диссертационном исследовании предложена созданная по оригинальной методике типология переводческих трансформаций при АП, охватывающая все языковые уровни текстов, установлены виды основных приёмов перевода, соответствующих каждому типу и иерархия их продуктивности.

Впервые в переводоведении обоснована и реализована авторская модель вычисления индекса языковых нарушений в исходных текстах и их авторских переводах с учётом близкородственности языков.

Положения, выносимые на защиту.

1. Авторский перевод художественного текста является результатом речевой деятельности билингвальной языковой личности, которая обладает двумя типами языкового и когнитивного сознания, а также межкультурной компетентностью. При осуществлении авторского перевода используются механизмы автокоммуникации, позволяющие создать аналог оригинального текста, совместить в рамках одного индивидуума роли автора исходного текста, его читателя и переводчика. Авторский перевод можно считать репрезентацией одного из типов художественного билингвизма.

2. Перевод художественного текста с белорусского языка на русский, осуществлённый его автором, следует считать специфическим коммуникативным событием, в котором взаимодействуют близкородственные языки. Схожесть их систем способствует созданию максимально приближенного к оригинальному тексту аналога, однако не подразумевает полного и беспрепятственного их совпадения. Близкородственные русский и белорусский языки остаются самостоятельными языками, а их носители – представителями схожих, но разных менталитетов и культур.

3. Стремление автора-переводчика к эквивалентности переводимого и переводного текстов реализуется с помощью различных лексических и грамматических трансформаций, которые можно не только выявить, но и классифицировать, установив иерархию их распространённости. При авторском переводе осуществляются также различные изменения оригинального текста, обусловленные как правом создателя модифицировать написанное, так и следствием интерференции и интеркаляции.

4. Переводческие трансформации при авторском переводе проявляются на всех языковых уровнях, но в разной степени. Большинство преобразований осуществляется на лексико-фразеологическом уровне и связано с изменением состава, семантики и стилистической окраски слов и фразеологизмов, что

позволяет осуществлять эмоционально-экспрессивные и содержательные модификации переводного текста. Многочисленными являются также трансформации на морфологическом уровне, однако касаются они лишь причастий и деепричастий. На синтаксическом уровне трансформации наименее многочисленны.

5. При авторском переводе художественного текста с белорусского языка на русский взаимодействуют две близкородственные языковые системы. Результатами этого взаимодействия могут становиться явления интеркаляции (влияния Я2 на Я1) и интерференции (влияния Я1 на Я2), которые чаще всего проявляются на лексическом уровне и характеризуются, как интерференция, спонтанностью или, как интеркаляция, намеренностью. Есть возможность установить индекс языковых нарушений, возникающих при авторском переводе.

Личный вклад соискателя учёной степени.

Диссертация представляет собой самостоятельное исследование, выполненное лично автором. Основные положения и выводы, изложенные в работе, являются результатом анализа самостоятельно собранного и систематизированного автором языкового материала.

Апробация диссертации и информация об использовании её результатов.

Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры белорусского и русского языкознания БГПУ. Основные положения диссертационного исследования представлены в докладах на международных и республиканских научных и научно-практических конференциях: IX Карповские чтения (Минск, 13–14 марта 2015 г.); XVII республиканская научно-практическая конференция молодых учёных (Брест, 15 мая 2015 г.); Международная научно-практическая конференция «Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире» (Минск, 23–24 октября 2015 г.); Международная научная конференция «Белорусский язык в XXI веке: основные тенденции развития (к 80-летию академика А. И. Подлужного)» (Минск, 28–29 октября 2015 г.); VII Международная научная конференция «Славянские языки: системно-описательный и социокультурный аспекты исследования» (Брест, 26–27 ноября 2015 г.); Международная интернет-конференция «Динамические процессы в лексике и грамматике славянских языков» (Умань, Украина, 30–31 декабря 2015 г.); Международная научная конференция «Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования» (Витебск, 18–19 февраля 2016 г.); Международная научно-практическая конференция молодых филологов «Слово в языке, речи, тексте» (Брест, 22 марта 2016 г.); Международная научная конференция «Кулешовские чтения» (Могилёв, 21 апреля 2016 г.); VIII Международная научная конференция «Язык – литература – культура» (Минск, 15–16 сентября 2016 г.); II Международная научно-практическая конференция «Языковая личность и эффективная коммуникация в современном

поликультурном мире» (Минск, 17–18 ноября 2016 г.); I Республиканская научно-практическая конференция с международным участием «Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития» (Минск, 23–24 февраля 2017 г.); Международная студенческая научно-практическая конференция «Слово в языке, речи, тексте» (Брест, 19–20 мая 2017 г.).

Результаты исследования используются при подготовке лекционных курсов по сравнительной стилистике и лингвокультурологии на кафедре белорусского и русского языкознания УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» (1 акт внедрения).

Опубликование результатов диссертации.

Основные положения диссертации нашли отражение в 17 публикациях. Из них 4 статьи в научных изданиях, включённых в перечень научных изданий Республики Беларусь и Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных исследований, 5 статей в журналах и сборниках научных трудов, 8 – в сборниках материалов конференций. Общий объём публикаций составляет 6,5 авт. л.

Структура и объём диссертации.

Диссертация состоит из введения, общей характеристики работы, двух глав, заключения, библиографического списка и одного приложения. Полный объём диссертации составляет 177 страниц. Основной текст диссертации занимает 123 страницы. В диссертации имеются 23 таблицы и 21 рисунок общим объёмом 35 страниц. Библиография включает список использованных источников (175 наименований на русском, белорусском, английском, испанском, польском и французском языках), список источников иллюстративного материала (6 наименований) и список публикаций соискателя (17 наименований) – всего 17 страниц. Приложение занимает 2 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Авторский перевод как особый вид речевой деятельности» носит обзорно-аналитический и теоретический характер и посвящена установлению лингвистической сущности и коммуникативной значимости авторского перевода, осуществлённого на близкородственный язык. Этот перевод рассматривается как результат речевой деятельности билингвальной языковой личности. При этом устанавливается и описывается история авторского перевода с белорусского языка на русский в контексте мировой переводческой практики, осуществляется обобщённая систематизация языковых средств экспликации волеизъявлений переводчика в процессе создания такого перевода.

Основные положения отечественной и зарубежной теории художественного перевода изложены в работах И. С. Алексеевой, Л. С. Бархударова, В. Г. Гака, В. Н. Комиссарова, Л. К. Латышева, Т. Р. Левицкой, В. П. Рагойши, Я. И. Рецкера, А. Д. Швейцера, С. Басснетт-МакГир, Дж. Кэтфорда, Ю. Найды, Э. Пайма и др.

Суть перевода как акта коммуникации состоит в адекватной передаче исходного текста. Переводчик, становясь читателем оригинального текста, перекодирует его с учетом другой культуры и временной реальности, в результате чего становится автором переводного сообщения. Специфика АП заключается в том, что он совершается в пределах единого сознания с использованием механизмов автокоммуникации. Результаты исследований авторского перевода как части общей теории художественного перевода представлены в работах Н. В. Денисовой (Яковенко), О. В. Праченко, Ю. И. Сикалюк, Е. С. Хованской, Л. Де Рубе, Г. Фальцери, Я. Мохдеба, Э. Танкейро, К. Уайта и др.

Установлено, что создателем АП выступает билингвальная языковая личность, обладающая рядом особенностей. Специфика такой языковой личности автора и переводчика раскрывается в работах Г. И. Богина, Е. В. Иванцовой, В. И. Карасика, Ю. Н. Караулова, В. А. Чудинова и др.

Языковая личность – это совокупность языковых (речевых) способностей индивидуума, а также сам индивидуум, являющийся носителем культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей определённой социальной группы. Разнообразны и типы языковой личности: виртуальная, профессиональная, национальная, народная, публичная, историческая и др. В силу сложившихся в современном мире условий межкультурных коммуникаций особый интерес представляет поэтапное рассмотрение явлений: «языковая личность → билингвальная языковая личность → творческая билингвальная языковая личность → языковая личность автора-переводчика».

Билингвальная языковая личность определяется как личность, владеющая двумя разными языковыми системами, двумя типами когнитивного и языкового сознания и обладающая межкультурной компетентностью. Отличительной чертой билингвальной языковой личности является её **двуязычие (билингвизм)**, изучению которого посвящены междисциплинарные наработки С. В. Андреевой, М. А. Апышева, У. М. Бахтикиреевой, И. С. Башковой, З. У. Блягоза, У. Вайнрайха, Г. М. Вишневской, Л. С. Выготского, А. А. Гируцкого, Ч. Г. Гусейнова и др. Билингвы обладают способностью воспринимать и создавать художественные тексты на двух языках, что позволяет говорить о существовании художественного билингвизма, одним из типов которого является АП.

В настоящее время не существует единого понимания статуса АП. Одни учёные считают АП **новой редакцией** оригинального произведения, процессом

и результатом его творческого **переосмысления, воссоздания** (М. А. Апышев, Э. Бандин Фуэртес, С. Дубински, О. П. Погинайко, В. П. Рагойша и др.). Другие воспринимают процесс АП как **оригинальное творчество**, а его результат – как равнозначный оригиналу **вариант** художественного произведения (М. А. Дадян, Н. Дун Дэньби, С. Коннор и др.). Третьи отождествляют АП с обычным **переводом** (А. А. Гируцкий, А. Попович, А. Сиу Вай-фан и др.). Четвёртые полагают, что АП одновременно является **видом литературного творчества и формой художественного перевода** (М. Устинофф, Т. Чебан, Н. В. Денисова (Яковенко)). Некоторые исследователи (В. Коллер, Я. Мохдеб) придают АП **уникальный статус**.

Установлено, что процесс порождения речи приводит билингвальную языковую личность в состояние внутреннего конфликта, который обусловлен необходимостью выбора корректного речевого поведения. Конфликт предполагает выбор одной из двух языковых систем, находящихся под влиянием разных зон головного мозга (И. С. Башкова, Б. МакУинни, О. А. Марина). Причиной внутреннего конфликта авторов-переводчиков является недостаточность обоих языков. Поскольку недостаточность одного языка восполняется другим, то оригинал и АП художественного произведения составляют единый текст, а две формы гипотетической единой личности писателя-переводчика, дополняя друг друга, составляют одну творческую литературную личность (Л. Де Рубе). В процессе внутренней борьбы двойственной языковой личности АП является источником примирения двух её сторон (Г. Фальцери).

Существует две группы причин обращения к АП. В первую группу входят внешние факторы социально-политического и идеологического порядка: эмиграция писателей, смена культурно-языковой обстановки, длительное пребывание в чужой языковой среде, давление цензуры. Ко второй группе относятся внутренние (индивидуальные) факторы: желание получить перевод оптимального качества; недовольство существующими переводами; глубокое чувство ответственности автора за свои произведения; стремление расширить круг читателей; необходимость творческого самовыражения не только на первом, но и на «втором родном языке»; интерес автора к новой для него деятельности; желание изменить исходный текст и т. д.

Условно в географии авторских переводов можно выделить их западную и восточную группы. **Западную группу** составляют переводы с различных языков на западноевропейские, в основном на английский, либо с языка меньшинства населения государства на язык большинства. **Восточная группа** представлена авторскими переводами на русский с национальных языков государств и народностей бывшего СССР.

В истории АП в Республике Беларусь можно условно выделить три периода: **довоенный, послевоенный и современный**. Условиями развития АП

в послевоенный период, к которому относится создание исследуемых АП В. Быкова, В. Козько и И. Мележа, стали билингвизм, благоприятные социально-политические условия, стремление писателей популяризировать своё творчество среди русскоязычных читателей либо освоить новый вид творчества, а также развитие теории художественного перевода.

Уникальность художественного, в том числе авторского, перевода на русский язык в Беларуси заключается в том, что читатель также выступает носителем билингвизма и бикультуризма, поэтому он может в каком-то смысле оценить качество перевода (В. П. Рагойша). Одни теоретики и практики перевода считают, что переводить с близкородственного языка легче в силу сходства языковых систем (Н. С. Гилевич, В. П. Рагойша). Другие отрицают наличие специфики перевода с близких языков (Д. Е. Факторович). Третьи полагают, что сходство между языками препятствует переводу (З. Гросбарт, Р. Станкевич, В. Быков, В. Козько). Однако общепризнанным остается тот факт, что перевод с близкородственных языков требует от автора-переводчика скрупулёзного и вдумчивого отношения.

Неизбежность потерь и информационных добавлений при переводе обусловлена различиями между Я1 и Я2. В случае АП изменения, вносимые в текст перевода, могут быть «правомерными» и «неправомерными». К первым относятся «добавления», «улучшения», на которые не имеет права профессиональный переводчик, поскольку одна из основных его задач – создание адекватного соответствия оригинальному тексту. «Неправомерным» изменением в процессе АП становится проявление межъязыковой **интерференции** (нарушения в речи билингва на Я2, возникшие под влиянием Я1) и **интеркаляции** (обратное явление влияния Я2 на Я1). Исследования межъязыковой интерференции описаны в работах В. В. Алимова, Ж. Багана, Ю. А. Жлуктенко, А. Е. Карлинского, Е. В. Хапилиной и др.

В основе сравнения текстов на разных языках лежит теория **эквивалентности**. Под эквивалентностью перевода понимается своеобразное уподобление или смысловое «приближение» перевода к исходному тексту, т. к. достичь абсолютной эквивалентности между оригиналом и переводом невозможно (В. Н. Комиссаров). Все существующие концепции и типы эквивалентности можно свести к двум основным видам: *лингвистическая (формальная)* – эквивалентность языковых единиц разного уровня; *прагматическая (функциональная)* – эквивалентность смысла оригинала и перевода и его воздействия на читателя (В. Коллер, Дж. Кэтфорд, Ю. Найда, Э. Пайм, В. Г. Гак, В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, А. Д. Швейцер и др.).

Соблюдению принципа эквивалентности при переводе способствуют **трансформации** – «межъязыковые операции перевыражения смысла» (А. Д. Швейцер). Переводческие трансформации классифицируются по типу переводческих преобразований (И. С. Алексеева, Л. С. Бархударов и др.); по

соотнесенности с уровнем эквивалентности (А. Д. Швейцер); по соотнесенности с уровнем языковой системы (В. Н. Комиссаров, Л. К. Латышев, Р. К. Миньяр-Белоручев, Я. И. Рецкер, В. Е. Щетинкин и др.). Все преобразования могут быть сведены к двум основным видам – **лексическому** и **грамматическому**.

Ни одна из существующих классификаций не учитывает специфику перевода на близкородственный язык, что обусловило обращение к частным классификациям, на основе которых составлена сводная типология, включающая лексические и грамматические (словообразовательные, морфологические и синтаксические) трансформации. Каждый из видов характеризуется определённым набором переводческих преобразований (рисунок 1).

Показателем нарушений интерференционного и интеркаляционного характера является **индекс**, который представляет собой соотношение количества нарушений на определённом уровне и общего количества переводческих трансформаций, умноженное на 100%. Общий индекс языковых нарушений для всех уровней языковой системы позволяет судить о степени взаимовлияния белорусского и русского языков при создании АП писателями-билингвами.

Во второй главе «**Языковые особенности авторских переводов**» определены приоритетные направления авторских трансформаций оригинальных текстов при переводе, установлены особенности взаимодействия белорусского и русского языков при АП, выведен индекс языковых нарушений, обусловленных билингвизмом авторов-переводчиков.

Общепринятые переводческие трансформации составляют основу преобразований при АП и способствуют достижению эквивалентности на всех языковых уровнях. Трансформации на лексико-фразеологическом уровне являются наиболее распространённой группой переводческих преобразований, т. к. их общее количество примерно равно количеству предложений – **15200**. Большинство из них приходится на собственно лексические единицы (**13750**), а также включает смену коннотаций (**766** пар эквивалентов) и трансформации безэквивалентной лексики: имён собственных (**261** пара эквивалентов) и фразеологизмов (**235** пар эквивалентов).

При переводе основного объёма **лексических единиц** использованы следующие приёмы трансформации их смысла: конкретизация (*конь* → *гнедая лошадь*; *нешта ўліў* → *влил воды*; *дрэвы* → *вербы*); генерализация (*густая іржавая твань* → *топь*; *уцячы з роты* → *смотаться куда-нибудь*; *суніцы* → *ягоды*); модуляция (*чалавек мой загінуў* → *человека своего схоронила*; *магчымасць уражавацца* → *возможность потихоньку смыться к своим*) и под.

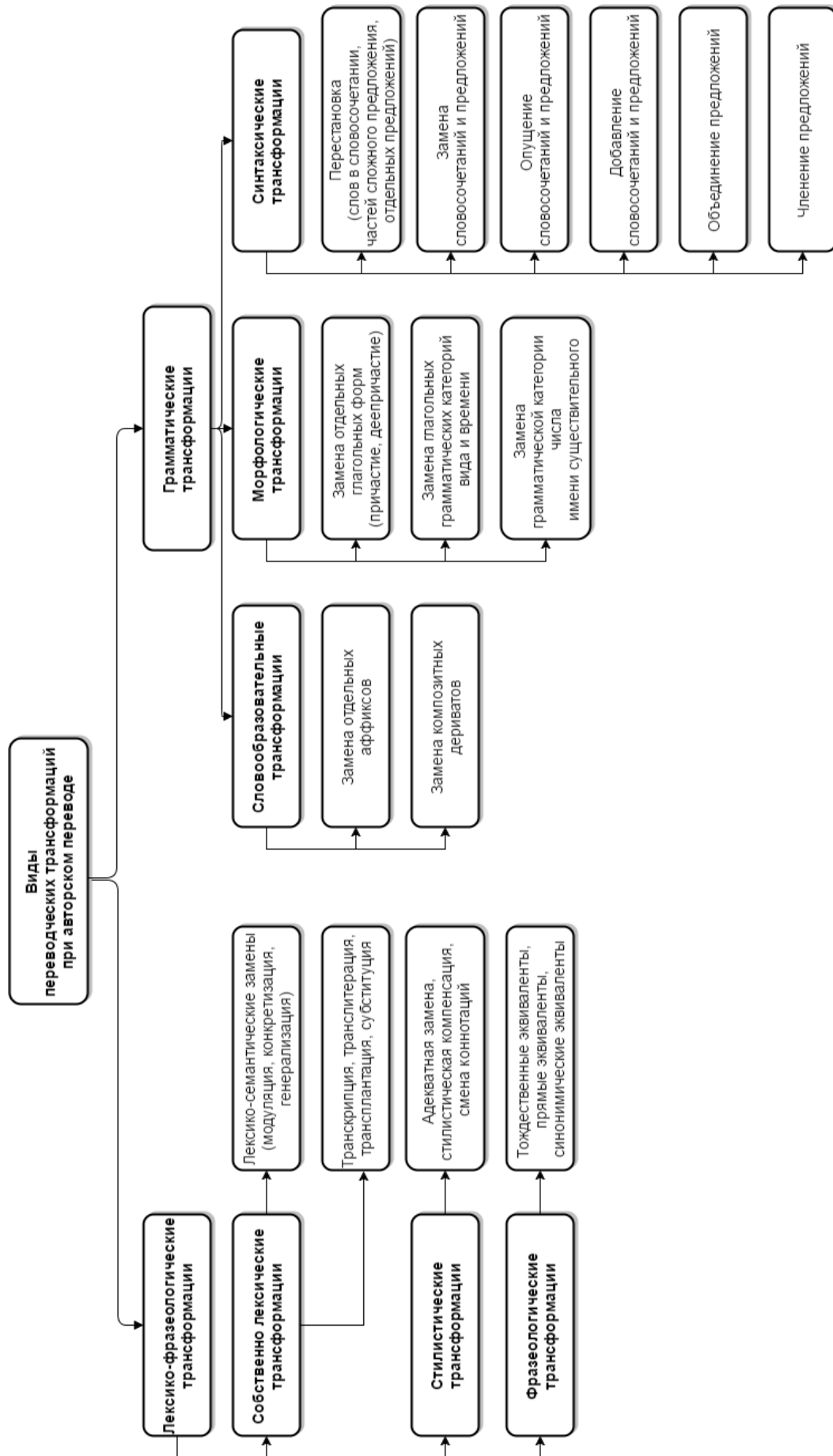

Рисунок 1. – Классификация переводческих трансформаций при авторском переводе

Результатом собственно лексических трансформаций в процессе АП чаще становится конкретизация семантики слова, чем ее генерализация. Это объясняется стремлением авторов-переводчиков дополнить произведения новыми художественными деталями.

В АП исследуемых произведений использованы различные виды **стилистических трансформаций**: стилистическая компенсация (*закрычала* (нейтр.) → *заверещала* (разг. неодобр.); *высачэзныя* (разг.) → *огромные* (нейтр.)); адекватные замены (*радаваўся* → *ликовал* (все – нейтр.); *датупаць* → *притаіцца* (все – разг.)); смена стилистических коннотаций (*зрукалі лыжкамі* (разг.) → *наяривали ложками* (прост.); *здароўканне* (разг.) → *здоровствования* (книжн.) и т. д. Передача стилевых особенностей в процессе перевода происходит в соответствии с принципом эквивалентности. Незначительные стилевые расхождения способствуют усилению эмоциональности повествования либо передают колорит белорусской речи.

Передача **имён собственных** как объектов межъязыкового и межкультурного заимствования осуществляется путём транскрипции (*Амяллян* → *Емельян*, *Сотнікаў* → *Сотников*, *Стараселле* → *Староселье*); трансплантации (*Шабуня* → *Шабуня*, *Драгуны* → *Драгуны*); транслитерации (*Змітро* → *Змитро*, *Гліняны* → *Глиняны*); субституции (*Вокунь* → *Окунь*).

Кроме того, ряд трансформаций, сопровождающих передачу имён собственных, не относится ни к одной из известных классификаций и является отличительной особенностью АП:

- нарушение единообразия (вариативность) перевода: например, имя *Пётра* употреблено в оригинальной форме только при первом упоминании: – *А Пётра Качан*. (В. Быков). Далее в тексте оно заменено вариантом *Пётр*: *Ну так и есть, в углу устраивался их недавний знакомый – лесиновский староста Пётр*. (В. Быков);

- использование приёмов опущения и добавления: в текстах АП отсутствуют русские аналоги онимов *Токараў*, *Галаўня*, *Конкін*, *Губайдулін*, *Шчара* и др.; фамилии *Русских* и *Ковалевич* встречаются только в АП;

- замена отдельных единиц: *Восін* → *Роман*, *Прося* → *Меланья*, *Пронька* → *Павка*, *Азярышча* → *Гузаки*, *Уклеіна* → *Ульяновка*.

При АП **фразеологизмов** часто происходит замена нейтральной лексикой, что придает тексту бóльшую эмоциональную сдержанность: *Вера Канстанцінаўна ўсё ж увяла яму ў вушы, хто такі быў Маўглі*. (В. Казько) → *Вера Константиновна объяснила всё же ему, кто такой был Маугли*. (В. Козько).

Большинство ФЕ являются эквивалентами тождественными (*Ну, пайшлі куды вочы глядзяць*. (В. Быкаў) → *Ну, пошёл куда глаза глядят*. (В. Быков)); прямыми (*Толькі мне нічога ў рот не ішло...* (І. Мележ) → *Только мне ничего в рот не лезло...* (И. Мележ); *Праглынуў пан таго гада, і халера яго не бярэ <...>*.

(В. Казько) → *Проглотил пан того гада, и холера его не взяла* <...>. (В. Козько)); синонимичными (*Ціхая, мілая сэрцу Слабада* <...> была адціснута кудысьці *за блізкі свет*. (В. Казько) → *Привычная, милая сердцу Слобода* <...> была вытеснена куда-то *к чёрту на кулички*. (В. Козько)).

Авторы-переводчики часто не воспроизводят расширение состава и редукцию исходных ФЕ (*А ўсё-ткі ты з тых, што смецця не любяць выносіць*. (І. Мележ) → *Да, ты явно из тех, кто не любит сор из избы выносить*. (И. Мележ)), однако могут расширять их состав (*Стаяла лета, клопатны час, і трэба было ўжо думаць і пра восень, зіму, клапаціцца аб хлебе надзённым*. (В. Казько) → *Стояло лето, страдная пора, и надо было смотреть в осень, в зиму, заботиться о хлебе насущном, о дне грядущем*. (В. Козько)). АП белорусских пословиц носит покомпонентный характер и сопровождается упразднением рифмы: *Папаліся ў нерат – ні ўзад, ні наперад...* (І. Мележ) → *Попались в нерат – ни назад, ни вперёд...* (И. Мележ).

Проявления **интерференции** (*шибка* (вместо *стеклышко*), *сонейко* (вместо *солнышко*), *бусел* (вместо *аист*), *бачить* (вместо *видеть*) и др.) и **интеркаляции** (*хазяйка* (вместо *гаспадыня*), *панімаеш* (вместо *разумееш*), *абязацельна* (вместо *абавязкова*), *здрастуй* (вместо *добры дзень*) и др.) при АП в большей степени характерны для лексических эквивалентов и свидетельствуют о преобладающем влиянии белорусского языка на русский в сознании исследуемых писателей. Так как на лексическом уровне интерференция более характерна для слов автора, а интеркаляция – для прямой и несобственно-прямой речи, что свидетельствует о подсознательном влиянии белорусского языка на русский и намеренном отклонении от норм белорусского языка с целью речевой характеристики персонажей. На лексическом уровне индекс интерференционных трансформаций составляет **1,86%**, индекс интеркаляционных трансформаций – **0,74%**. Индекс языковых нарушений на лексическом уровне равен **2,6%**.

Преобразования на **словообразовательном и морфологическом уровнях** находятся на втором месте по количеству эквивалентов после лексико-фразеологических трансформаций – **4189** пар эквивалентов. Это объясняется достаточно широким распространением причастных и деепричастных конструкций, перевод которых специфичен в силу особенностей их употребления в белорусском и русском языках. Трансформации *причастных и деепричастных конструкций* представлены в **3361** паре эквивалентов. Преобразования *видо-временных форм глаголов* наблюдаются в **355** случаях. В **289** парах эквивалентов трансформации связаны с переводом *компаративных образований*. Грамматическая категория числа имени существительного подвергается трансформации в **184** случаях.

При АП **причастных и деепричастных конструкций** наблюдаются:

- замена: *Сапраўды, фашизм – машына, якая здатавала сваімі калясьмі паўсвету і бадай усю Эўропу, хіба можна ўвесь час бегчы ёй*

напярэ́ймы і размахваць голымі рукамі? (В. Быкаў) → Действительно, фашизм – машина, **подмявшая под свои колёса полмира**, разве можно, стоя перед ней, размахивать голыми руками? (В. Быков);

- перестановка: Ён даў знак, і салдаты, як **сабакі, спушчаныя з ланцуга**, кінуліся да жанчыны, пацягнулі яе з натоўпу. (І. Мележ) → Он дал знак, и солдаты, как **спущенные с цепи собаки**, бросились к женщине, вырвали её из толпы. (И. Мележ);

- добавление: На парозе з'явілася галяная постаць Стася ў знаёмым бушлаце, з вінтоўкай за плячом. (В. Быкаў) → В сиянии этого света на пороге появилась поджарая фигура Стася в **подпоясанном** армейском бушлате, с **закинутым** за плечо карабином. (В. Быков);

- опущение эквивалентов: На мураваных слупах яшчэ захаваліся часткова літары з прозвішчам пана, часткова яны **сцёрты** часам, часткова **падзяўбаны**, пасечаны сякерамі, ітыкамі і прыкладамі вінтовак. (В. Казько) → На каменных столбах сохранилась ещё трудночитаемая, иссечённая временем и, наверное, мужицкими топорами, прикладами и пулями фамилия пана. (В. Козько).

Наиболее распространены нулевая трансформация и замена конструкций. Замена часто представлена преобразованиями придаточных частей с союзными словами **які** и **што** в причастные обороты в соответствии с общеязыковыми нормами, при которых в белорусском языке определительная придаточная часть сложноподчиненного предложения выражает значение, аналогичное семантике русского причастного оборота. Количество замен деепричастий и деепричастных оборотов другими единицами почти вдвое уступает количеству обратных замен, что обусловлено ограниченной активностью деепричастных конструкций в белорусском языке.

Результаты анализа трансформации **видовых форм глагола** свидетельствуют о стремлении авторов сохранить статично-динамичный баланс исходного текста при АП, что подтверждается практически равным количеством переходов совершенного вида в несовершенный и наоборот, а также преобладанием глаголов с одноактным СГД в текстах АП: *Між тым горад **прачынаўся** ўжо.* (В. Казько) → *Между тем город уже **проснулся**.* (В. Козько); *Сотнікаў **змоўчаў**.* (В. Быкаў) → *Сотников **молчал**.* (В. Быков); *загрымеў засоў* → *громыхнул засов*, *Дзёмчыха **паўздыхала*** → *Дёмчиха **вздохнула**.*

Трансформация **категории времени** существенно не изменяет семантику предложения, т. к. чаще касается пары «настоящее (историческое) – прошедшее время»: *экскаватар **перашкаджае*** → *экскаватор **мешал***; *ён **ваюе*** → *он **воевал**.* Случаи одновременного преобразования вида и времени глаголов подчёркивают общую завершённость действий: *вочы **вільгатнеюць*** → *глаза **повлажнели***, *яму **здалося*** → *ему **мерещится**.*

Композитная деривация в АП характеризуется определёнными особенностями: белорусские сложные слова чаще заменяются русскими

композитами, отсутствие композитного эквивалента одинаково свойственно исходным текстам и АП; в тексте АП большинству композитов соответствуют слова той же части речи; минимальны трансформации плана выражения и плана содержания сложных слов. Основными видами преобразований плана выражения композитов выступают словообразовательная трансформация (*дубы* → *дубы-ведуны*; *з-за жоўта-сіняватых ствалоў* → *из-за синевато-жёлтых стволов*); синтаксическая трансформация (*свістаў-шархацеў вецер* → *с присвистом шуриал ветер*; *нешта невядомае, загадкавае і страхавітае* → *что-то коварно-вероломное*); орфографическая трансформация (*рухі былі спакойна-ўпэўненыя* → *движения были спокойно уверенными*; *твар быў суро́ва задуменны* → *лицо было сурово-сосредоточенно*).

Изменение плана содержания сопровождается конкретизацией (*да заследжанага зрэзу-тарца* → *на свежезаслеженный торец*) либо генерализацией (*гітлеравец-аўтаматчык* → *гитлеровец*), частичной либо полной заменой значения (*трывожна-напружана глядзела* → *тревожно-понимающе смотрела*; *глянцавата-чорнае поле* → *рыжеватое поле*), опущением (*выходзіць-атрымоўваецца* → *получается*) либо добавлением дополнительного значения (*страхавітае пачуцце* → *пугающе-брезгливое чувство*), разграничение которых часто неоднозначно.

Исследование закономерностей трансформации **грамматической категории числа имени существительного** демонстрирует преобладание форм множественного числа в текстах АП, что свидетельствует об их большей смысловой конкретизации: *клочча* → *кlochья*, *вішняк* → *вишни*, *пер'е* → *перья*, *каменне* → *камни*. Преобразования слов анумеральной семантики во многих случаях обусловлены лексико-семантическими и грамматическими особенностями эквивалентов: *тронкі* → *черенок*, *каноплі* → *конопля*.

Большинство нарушений на морфологическом уровне носит интеркаляционный характер: *раён умацаван* (вместо *умацаваны*); *перашыек начынен мінамі* (вместо *начынены*); *здымак надрукаван* (вместо *надрукаваны*). Интерференция на морфологическом уровне (*Были у меня и сыны* (русск. *сыновья*), *и внук твоих годков* (В. Козько); – *Как они горели, как они молили: таточка, лёду* (русск. *льда*)... (В. Козько); – *День добры табе* (русск. *тебе*), *Захарья!* (В. Козько)) встречается лишь в прямой и несобственно-прямой речи, что свидетельствует о её намеренности. Интеркаляция более распространена в словах автора и поэтому отличается спонтанностью. Индекс интерференционных трансформаций равен **1,1%**, индекс интеркаляционных трансформаций – **1,7%**. Индекс языковых нарушений на морфологическом уровне составляет **2,8%**.

Трансформации на **синтаксическом уровне** представлены **3331** парой эквивалентов. Абсолютное большинство из них связано с *изменением порядка следования и структуры предложений* – **2432** случая. Преобразования,

затрагивающие словосочетания и сочетания слов, наблюдаются в 520 парах эквивалентов. К изменениям на уровне предложения относятся и *актантные трансформации* (преобразование односоставных предложений, взаимозамена актантов, активизация / пассивизация конструкций), которые характерны для 379 примеров.

При АП используются следующие виды **трансформации предложений**:

- опущение предложений или их частей: *Размова на тым абарвалася, Рыбак і Пётра сцішыліся кожны ў сваім кутку. Сотнікаў не то задрамаў ці, можа, забыўся ў гарачцы. Акенца зусім пагасла і ледзь шарэла пад столлю, раздзеленае жалязякамі кратаў на чатыры квадраты.* (В. Быкаў) → *Разговор на этом прервался, Рыбак и Пётр притихли каждый в своем углу. Окошко, погаснув, едва серело под потолком, чётко разделённое решёткой на четыре квадрата.* (В. Быков);
- членение предложений: *Я там вучыўся, працаваў, у партыю ўступаў, любіў там.* (І. Мележ) → *Учился там, работал. В партию вступал. Любил там.* (И. Мележ);
- добавление предложений или их частей: *Той нерухома сядзеў ля сцяны, аддаўшыся сваім, мусіць, таксама невясёлым думкам.* (В. Быкаў) → *Тот неподвижно сидел у стены, погрузившись в свои тоже, разумеется, невесёлые мысли, – теперь каждый переживал за себя.* (В. Быков);
- объединение предложений: *Строілі вязняў, нібыта везці дамоў – у турму. Мы строіліся насупраць.* (В. Казько) → *Строили заключённых, вроде бы везти домой, в тюрьму, мы строились напротив.* (В. Козько);
- замена предложений: *Ён, відаць, не сачыў за сабою, бо адзенне было страшэнна неахайнае, брудны каўнер некалі белай рубашкі расхрыстаны.* (І. Мележ) → *Лицо обросло, одежда и сапоги грязные...* (И. Мележ);
- смещение границ предложений: *Ноч канчалася і тым знімала з іх сваю апеку, дзень жа абяцаў мала прыемнага, і Рыбак з паніклай душой назіраў, як павольна і няўхільна займалася ранне. Угары хутка святлела неба, з-пад начнога змроку ўсё выразней вынікаў самотны снежны абшар; дарога наперадзе даўжэла і рабілася бачнай далёка.* (В. Быкаў) → *Ночь кончалась и тем снимала с них свою опеку, день обещал мало хорошего. И Рыбак с поникшей душой смотрел, как медленно и неуклонно занималось зимнее утро: светлело небо, из-под ночных сумерек яснее проступал снежный простор, дорога впереди постепенно длиннела и становилась видной далеко.* (В. Быков);
- перестановка предложений или их частей: *Зямля гула, стагнала, крычала. Цемру шматавалі кароткія барвовыя выбліскі.* (І. Мележ) → *Тьму разрывали короткие багровые вспышки. Земля гудела, стонала, кричала.* (И. Мележ).

Следствием замены исходных предложений в процессе АП является декомпрессия текста на 140 синтаксем.

При АП словосочетания наблюдаются такие виды трансформаций, как:

- опущение синтаксем: *І тут з-за лесу выслізнуў месяц, яркі, шчарбаты, нібыта быў ён да гэтага на прывязі, на вяроўцы ці нават на ланцугу, на дроце нейкім.* (В. Казько) → *И тут же из-за леса выскользнула луна, яркая, щербатая, словно была до этого на привязи <...>.* (В. Козько);

- добавление синтаксем: *Усе атрады былі ўжо гатовы да выступлення. А камбрыг усхвалявана, нецярпліва прыслухоўваўся да начнога шуму.* (І. Мележ). → *Все отряды были уже готовы к выступлению, а комбриг на краю луга нетерпеливо прислушивался к ночному шуму.* (И. Мележ);

- перестановка главного и зависимого слов: *гаварыць шчыра* → *откровенно говорить*; *глядзела нерухома* → *неподвижно глядела*;

- замена синтаксической конструкции, которой подверглись единицы со значением посессивности, синтаксемы с обстоятельственным значением образа и способа действия и конструкции, выражающие определительные отношения. При АП посессивных конструкций чаще наблюдается замена белорусского существительного в Р. п. русским эквивалентом, что не противоречит общеязыковой тенденции: *галасы Рыбака і дзяўчынкі* → *голоса Рыбака и девочки*; *танк Колышава* → *танк Колышева*. Большинство примеров перевода единиц с обстоятельственным значением образа и способа действия соответствует модели, в которой белорусское словосочетание с наречием заменяется русской синтаксемой с творительным социативным, определяющим характер действия: *пагрозліва тупанула* → *с угрозой топнула*; *выразна адчуваючы* → *с ясностью сознавая*; *трудна выдыхнуўшы* → *с трудом вздохнув*. Близость грамматического строя белорусского и русского языков обуславливает взаимозамену имён прилагательных и имён существительных в форме родительного, творительного и предложного падежей. Предпосылкой подобных замен служит определительная семантика, свойственная названным падежам: *чэргі (якія?) аўтаматаў* → (какие?) *автоматные очереди*; (які?) *жардзяны плот* → (какой?) *из жердей*.

На уровне предложения наряду с сохранением безличных конструкций при АП наблюдаются замена личного предложения имперсоналом (*І жахлівасць напалана Кольку.* (В. Казько) → *И страшно стало Кольке.* (В. Козько)); употребление личной конструкции вместо исходной безличной (*Але адысці ёй удалося недалёка: наперадзе немцы высадзілі дэсант.* (І. Мележ) → *Но уйти она смогла недалеко: впереди немцы высадили десант.* (И. Мележ)).

Анализ структурно-семантических вариантов безличных предложений и связанных с ними трансформаций при АП демонстрирует преобладание имперсонала в АП по сравнению с исходными текстами. Однако случаи замены безличных конструкций личными также нередки. Нельзя с уверенностью говорить о произвольности действия в безличных предложениях, поскольку в большинстве из них анализ выявил наличие субъекта. Мена диатезы объясняется

необходимостью **устранить из речи** обозначение субъекта, чтобы придать лёгкость художественному повествованию.

В результате анализа **актантных трансформаций** выявлена тенденция к понижению коммуникативного ранга субъекта исходного предложения и повышению коммуникативного ранга объекта либо участника, находящегося на периферии. Наиболее распространёнными проявлениями взаимозамены актантов при АП являются:

- синтаксическая метафоризация актантов – грамматическое подлежащее в АП выражает реальный объект (О_p) действия, а реальный субъект (С_p) выполняет функцию дополнения: *Зрэшиты, випадкавай сүтычкі (О_p) Рыбак (С_p) не асабліва і баяўся, тым болей у лесе ці нават у полі – у іх была зброя.* (В. Быкаў) → *Впрочем, случайная стычка (О_p) в лесу или в поле не очень страшила Рыбака (С_p): у них было оружие.* (В. Быков);

- деме́тафоризация актантов – подлежащее в исходном тексте, выраженное неодушевлённым или абстрактным существительным, при АП заменяется одушевлённым существительным, обозначающим реальный субъект, или местоимением, указывающим на него: *Толькі цяпер ён пачаў ясна адчуваць небяспеку, якая (небяспека (О_p)) зараз адышла (ад яго (С_p)).* (І. Мележ) → *Лишь теперь он начинал понимать, какую опасность (О_p) (он (С_p)) только что преодолел.* (І. Мележ);

- взаимозамена метафоризованных актантов: *Паўразбураны ўчора будан (Субъект) выстаўляў угару жэрджі (Объект).* (І. Мележ) → *Над полуразрушенным вчэра шалашом (Периферия) торчали вверху жсерди (Субъект).* (І. Мележ);

- взаимозамена одушевлённых актантов: *Тут, у сталюўцы, і натрапіў ён (Субъект) на Захар’ю (Объект).* (В. Казько) → *Здесь встретился ему (Объект) Захарья (Субъект)* (В. Козько).

Более высокая частотность взаимозамен, связанных с метафоризованными актантами, по сравнению со взаимозаменами, сопровождаемыми деме́тафоризацией, объясняется образностью и метафористичностью художественного стиля. Специфика АП заключается в **немотивированной замене субъекта**, когда в исходном тексте отсутствует упоминание субъекта переводного предложения: *Старшы лейтэнант убаку чакаў, калі рота (Субъект) ўладуецца.* (І. Мележ) → *Старший лейтенант, стоя в стороне, ждал, пока Гогоберидзе (Субъект) приведёт строй в порядок.* (І. Мележ).

Преобладание **пассивизации конструкций**, сопровождающейся наличием нулевого агенса или смещением акцента с одного актанта на другой, является показателем стремления авторов-переводчиков придать действию стихийность либо привлечь внимание читателя к определённым художественным деталям: *Адны кажучь, што там праводзіла ўжо аблаву міліцыя (Агэнс-Субъект), злавіла процьму бандытаў (Бенефактив-Объект)*

<...> (В. Казько) → *По одним сведениям, здесь уже проводила облаву милиция. (Милицией (нулевой Агенс-Ноль)) **Поймана масса бандитов** <...> (Бенефактив – реальный Объект). (В. Козько).*

Взаимные замены пассивных, активных конструкций с лексическим пассивом, неопределённо-личных и неполных предложений представляются семантически равнозначными, поскольку не изменяют коммуникативный статус реального объекта: *(Кімсьці (нулевой Агенс-Ноль)) **Парушана вольніца** (Пациенс – реальный Объект) **ізалятара**. (В. Казько) → **Пала** (в результате чьих-то действий) **империя** (Пациенс – реальный Объект) **ізолятара**. (В. Козько).*

Трансформации односоставных предложений неопределённо-личного, номинативного и обобщённо-личного типов демонстрируют бóльшую употребительность односоставного предложения в текстах АП, чем в оригиналах: *Тым часам **Пётра** (Субъект) **налез** на ўслон, але той скасабочыўся і ледзь не паваліўся пад яго каленямі. (В. Быкаў) → **Петра** (Объект) **первым заставили влезть** на скамью, которая угрожающе покосилась под его коленями и едва не опрокинулась. (В. Быков).* Односоставное предложение способствует компрессии текста, придает повествованию разговорную форму, динамику и эмоциональность, подчёркивая несущественность субъекта действия в развитии событий.

Следствием **мены диатезы** при АП является понижение коммуникативного ранга субъекта либо повышение коммуникативного ранга объекта. В первом случае, как и при устранении формально выраженного субъекта, происходит переключение внимания читателя с производителя действия на само действие: *Устаў ты на ногі, тым жа часам **зняўся і шпіталь** (Субъект). (В. Казько) → Встал ты на ноги, тут же летом **расформировали и наш госпиталь** (Объект). (В. Козько).* Во втором, как и при добавлении формально выраженного субъекта, акцентируется внимание на персонаже либо художественной детали: *Ці гэта толькі тут так, **на** пустое, няўдалае **месца** (Объект) **натрапілі**? (В. Казько) → Неудачное, что ли, пустое **место попалося**? (В. Козько).* Устранение ложного актанта способствует компрессии текста и придаёт динамичность повествованию: *Упершыню з Лецечкам такое адбылося тады, калі **ішоў допыт** брывастага, суседа Калягіна. (В. Казько) → Впервые он поймал себя на этом, когда **допрашивали** бровастого соседа Калягина. (В. Козько).* Добавление ложного актанта подчёркивает обособленность действия от реального субъекта: *З вазоў вяла, але ж тым-сім ужо **гандлявалі**. (В. Казько) → С возов вяло, но уже **шла торговля**. (В. Козько).* Специфика употребления неопределённо-личных конструкций при АП состоит в их коммуникативном статусе: субъектный ноль выражает несущественность субъекта для говорящего, а не его неизвестность.

Почти все переводческие трансформации на синтаксическом уровне обусловлены объективными языковыми процессами либо идейно-художественными причинами. Языковые нарушения, вызванные билингвизмом авторов-переводчиков, обнаружены лишь в посессивных конструкциях (интерференция: *Рыбаковы ногі* → *Рыбаковы ноги*; *Рыбакову руку* → *Рыбакову руку*; *Кульгаеў (хутар)* → *Кульгаев (хутор)*) и синтаксемах с дативом (интеркаляция: – *Будзілу (паклічце) ка мне (да мяне)!* (В. Быкаў); *Камандуючага кінула к ветравому шклу (да шкла).* (І. Мележ)). Нарушения на синтаксическом уровне носят преимущественно спонтанный характер, т. к. чаще употребляются в словах автора. Индекс интерференционных трансформаций на синтаксическом уровне равен **1,04%**, индекс интеркаляционных трансформаций – **0,15%**. Индекс языковых нарушений на синтаксическом уровне составляет **1,2%**.

Итак, в билингвальном сознании авторов-переводчиков белорусский язык вдвое активнее воздействует на русский, чем наоборот. Интерференция и интеркаляция наиболее распространены на лексическом уровне, наименее – на словообразовательном. На морфологическом уровне преобладают интеркаляционные нарушения, а на уровне синтаксиса – интерференционные. Интерференция чаще носит спонтанный характер, интеркаляция – намеренный, оценочно-характерологический. Общий индекс интерференционных трансформаций составляет **1,6%**, общий индекс интеркаляционных трансформаций – **0,4%**. Общий индекс языковых нарушений при АП равен **2%**. Предпосылкой подобных нарушений выступает билингвизм писателей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Современная межкультурная коммуникация предполагает существование авторского перевода художественного текста. Авторский перевод, как и неавторский, предназначен для создания иноязычного аналога оригинального текста, однако он обладает своей спецификой, состоящей в том, что коммуникативные роли автора исходного текста, его читателя и переводчика совмещаются в одной языковой личности, которая прибегает к использованию механизмов автокоммуникации.

Авторский перевод возникает в результате речевой деятельности билингвальной языковой личности, способной к восприятию и созданию художественных текстов на двух языках, обладающей двумя типами когнитивного сознания и готовностью к межкультурному общению. Это

означает, что тексты, переведённые их создателями на другой язык, представляют особый тип художественного билингвизма [1; 2; 5; 6].

2. Создание авторских переводов, подразумевающих контактирование и взаимодействие близкородственных языков, осуществляется в особых условиях. Сходство их языковых систем обеспечивает высокий уровень приближения оригинального текста и переводного, чему способствует также ментальная и культурная близость носителей. Как показывает анализ, авторский перевод с белорусского языка на русский мобилизует в полном объёме языковую, речевую и культурную компетентность билингвальной личности, вынуждает её преодолевать внутренний конфликт, основанный на необходимости выбора средств и способов перевода. При этом близкое родство русского и белорусского языков не означает их идентичности, а следовательно, предполагает выбор адекватных средств создания смысловой и эмоционально-экспрессивной эквивалентности текстов [2; 6; 11].

3. Главная задача авторского перевода заключается в обеспечении эквивалентности оригинального и переводного текста, а точнее – в максимальном приближении текстов оригинала и перевода. Всё это оказывается возможным в результате различных языковых трансформаций, которые условно следует разделить на лексико-фразеологические (собственно лексические, фразеологические и стилистические) и грамматические (словообразовательные, морфологические и синтаксические). Кроме переводческих трансформаций, при авторском переводе имеют место различные изменения оригинального текста. Пользуясь своими правами создателя и переводчика, писатель дополняет или сокращает при переводе оригинальный текст, корректирует по своему усмотрению его информационный или эмоциональный планы.

Взаимодействие русского и белорусского языков при авторском переводе проявляется в фактах интерференции и интеркаляции, то есть в нарушениях речи билингва на Я2 под влиянием Я1 и обратном влиянии Я2 на Я1 [2; 3].

4. Основу переводческих трансформаций при авторском переводе с белорусского языка на русский составляют общепринятые белорусско-русские параллели, т. е. то, что условно можно назвать нулевой трансформацией (*дрэва – дерево, бегчы – бежать, чырвоны – красный* и т. п.). Именно они обеспечивают эквивалентность текстов и проявляются на всех языковых уровнях.

Наибольшее количество изменений касается лексико-фразеологического уровня, на котором осуществляется сужение или расширение состава слов и фразеологизмов, модификация их семантики, стилистической окраски: *дрэвы* → *вербы*; *суніцы* → *ягоды*; *чалавек мой загінуў* → *человека своего схоронила*; *закрычала* (нейтр.) → *заверешила* (разг. неодобр.); *высачэзныя* (разг.) → *огромные* (нейтр.); *Вера Канстанцінаўна ўсё ж увяла яму ў вушы, хто такі быў Маўгли.* (В. Казько) → *Вера Константиновна объяснила всё же ему, кто такой был Маугли.* (В. Козько) и др. Это позволяет автору-переводчику дополнить

произведение новыми художественными деталями, придать тексту эмоциональную сдержанность или усилить её.

Изменения на морфологическом уровне касаются в основном причастий и деепричастий и занимают второе место по частотности распространения: *Сапраўды, фашызм – машына, якая здратавала сваімі калясьмі паўсвету і бадай усю Эўропу, хіба можна ўвесць час бегчы ёй напярэймы і размахваць голымі рукамі?* (В. Быкаў) → *Действительно, фашизм – машина, подмявшая под свои колеса полмира, разве можно, стоя перед ней, размахивать голыми руками?* (В. Быков); *Цяпер Рыбак трохі супакоіўся і падумаў, што, можа, яшчэ як-колечы вывернуцца.* (В. Быкаў) → *Теперь Рыбак понемногу стал успокаиваться, подумав, что, может, еще как-либо удастся вывернуться.* (В. Быков); *Між тым горад прачынаўся ўжо.* (В. Казько) → *Между тем город уже проснулся.* (В. Козько); *дубы* → *дубы-ведуны*; *свістаў-шархацеў вецер* → *с присвистом шуришал ветер*; *клочча* → *клочья*, *тронкі* → *черенок* и др.

Синтаксические трансформации также имеют место, но относятся к малочастотным: *Размова на тым абарвалася, Рыбак і Пётра сцішыліся кожны ў сваім кутку. Сотнікаў не то задрамаў ці, можа, забыўся ў гарачцы.* (В. Быкаў) → *Разговор на этом прервался, Рыбак и Пётр притихли каждый в своём углу.* (В. Быков); *Я там вучыўся, працаваў, у партыю ўступаў, любіў там.* (І. Мележ) → *Учился там, работал. В партию вступал. Любил там.* (И. Мележ); *кулакi Лецечкi* → *Летечкины кулаки*; *пагрозліва тупанула* → *с угрозой топнула* и др.

В целом грамматические трансформации осуществляются в русле нормативных белорусско-русских параллелей, способствуют компрессии и декомпрессии текста в соответствии с идейно-художественными целями автора-переводчика [3; 7; 8; 9; 10; 12; 13; 14; 15; 16; 17].

5. Как показывает проведённый анализ, при авторском переводе неизбежными являются интерференционные и интеркаляционные результаты взаимодействия белорусского и русского языков. Чаще всего они проявляются на лексическом уровне (в русскоязычном тексте *шибка* (вместо *стёклышко*), *сонейко* (вместо *солнышко*), *бусел* (вместо *аист*), *бачить* (вместо *видеть*); *хазяйка* (вместо *гаспадыня*), *панімаеш* (вместо *разумееш*), *абязцельна* (вместо *абавязкова*), *здраствуй* (вместо *добры дзень*) и др.), реже всего – на словообразовательном (в русскоязычном тексте *украсти* (вместо *украсть*); *уязджайце* (вместо *ад'язджайце*) и др.). На синтаксическом уровне преобладают явления интерференции (*Рыбаковы ногі* → *Рыбаковы ноги*; *Кульгаеў (хутар)* → *Кульгаев (хутор)* и др.), а на уровне морфологии – интеркаляции (*раён умацаван* (вместо *умацаваны*); *перашыек начынен мінамі* (вместо *начынены*); *здымак надрукаван* (вместо *надрукаваны*) и др.). Интерференция чаще отличается спонтанностью, а интеркаляция – намеренностью.

Показателем степени взаимодействия и взаимовлияния белорусского и русского языков при АП является **индекс языковых нарушений**. Общий индекс интерференционных трансформаций составляет **1,6%**, общий индекс интеркаляционных трансформаций – **0,4%**, что свидетельствует о большем влиянии белорусского языка на русский в сознании писателей. Общий индекс языковых нарушений при АП равен **2%**. Предпосылкой интерференционных и интеркаляционных нарушений при АП выступает билингвизм авторов-переводчиков [2; 7; 17].

Рекомендации по практическому использованию результатов

Результаты исследования могут быть использованы в процессе дальнейшего изучения переводческих аспектов творчества В. Быкова, В. Козько и И. Мележа в учреждениях высшего образования и школах, при подготовке теоретических и практических курсов по сравнительной стилистике, сравнительной лексикологии, лингвокультурологии, филологическому анализу художественного текста, основам перевода и редактирования художественных текстов, а также при выполнении курсовых, дипломных работ, магистерских диссертаций и других исследований, посвящённых проблемам билингвизма и АП [4].

Возможности практического использования результатов диссертационного исследования подтверждены актом о внедрении от 19.09.2016 [18].

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ СОИСКАТЕЛЯ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в рецензируемых научных журналах

1. Никитина, Н. Е. Языковая личность : проблемы осознания её сущности и современная лингвистическая интерпретация / Н. Е. Никитина // Весці БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – Минск : БГПУ, 2015. – № 2. – С. 34–37.

2. Нікіціна, Н. Я. Адметнасці аўтарскага перакладу з беларускай мовы на рускую ў кантэксце агульнасусветнай перакладчыцкай практыкі / Н. Я. Нікіціна // Беларуская лінгвістыка / Ін-т мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі ; рэдкал.: А. А. Лукашанец (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 2016. – Вып. 76. – С. 89–96.

3. Никитина, Н. Е. Лингвистические трансформации как показатель адекватности профессионального и авторского переводов (на примере романа И. Мележа «Мінскі напрамак») / Н. Е. Никитина // Вестник Самарского ун-та. История. Филология. Педагогика. – Самара. – 2016. – № 3.2. – С. 304–308.

4. Никитина, Н. Е. Перевод как цель и средство обучения в практике преподавания русского языка в Республике Беларусь / Н. Е. Никитина // Русский язык и литература. Сер. «У дапамогу педагогу». – 2017. – № 6. – С. 58–64.

Статьи в сборниках научных работ

5. Никитина, Н. Е. Авторский перевод и деятельность языковой личности в сфере межкультурной коммуникации / Н. Е. Никитина // Карповские научные чтения : сб. науч. статей. – Вып. 9 : в 2 ч., Минск, 13–14 марта 2015 г. / редкол.: А. И. Головня (отв. ред.) [и др.]. – Минск : РИВШ, 2015. – Ч. 2. – С. 96–100.

6. Никитина, Н. Е. О статусе авторского перевода в контексте ситуации билингвизма / Н. Е. Никитина // Філологічний часопис : зб. наук. праць / гол. ред. О. Ю. Зелінська. – Умань : Візаві, 2016. – Вип. 1 (7). – С. 37–48.

7. Никитина, Н. Е. Об особенностях передачи топонимов при авторском переводе с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Славянские языки : системно-описательный и социокультурный аспекты исследования : сб. науч. тр. VII Междунар. конф., Брест, 26–27 ноября 2015 г. : в 2 ч. / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.] ; под общ. ред. О. Б. Переход. – Брест : БрГУ, 2016. – Ч. 1. – С. 217–220.

8. Никитина, Н. Е. Топонимическое пространство художественного текста как отражение этнокультурной специфики народа / Н. Е. Никитина // Региональная ономастика : проблемы и перспективы исследования : сб. науч.

статей / сост. : А. М. Мезенко, Е. А. Зайцева, О. В. Шеверина ; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск : ВГУ, 2016. – С. 268–271.

9. Никитина, Н. Е. Композитная деривация в условиях авторского перевода с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Слово в языке, речи, тексте : сб. науч. статей / Брест. гос. ун-т им. А. С. Пушкина ; под общ. ред. Н. Р. Якубук ; редкол.: Л. А. Годуйко [и др.]. – Брест : БрГУ, 2016. – С. 313–316.

Материалы научных и научно-практических конференций

10. Никитина, Н. Е. Из наблюдений над эквивалентностью языковых единиц в авторском переводе с белорусского языка на русский (на материале рассказа Р. Боровиковой «Кофе для домового») / Н. Е. Никитина // XVII Респ. науч.-метод. конф. молодых учёных : сб. материалов, Брест, 15 мая 2015 г. : в 2 ч. / М-во образования Респ. Беларусь, Брест, БрГУ им. А. С. Пушкина ; под общ. ред. А. Е. Будько. – Брест : БрГУ, 2015. – Ч. 2. – С. 130–132.

11. Никитина, Н. Е. К проблеме выявления особенностей взаимодействия русского и белорусского языков при авторском переводе / Н. Е. Никитина // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 23–24 окт. 2015 г. / М-во образования Респ. Беларусь, Белорус. гос. ун-т, фак. социокультур. коммуникаций ; под. ред. О. И. Уланович. – Минск : Колорград, 2015. – С. 107–110.

12. Никитина, Н. Е. Антропонимическое пространство повести В. Быкова «Сотников», её авторского перевода на русский язык и изучение деятельности билингвальной языковой личности / Н. Е. Никитина // Беларуская мова ў XXI стагоддзі : асноўныя тэндэнцыі развіцця (да 80-годдзя акадэміка А. І. Падлужнага) : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. канф., Мінск, 28–29 кастр. 2015 г. / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. – Мінск : Права і эканоміка, 2015. – С. 250–257.

13. Никитина, Н. Е. К проблеме стилистической адекватности авторского перевода / Н. Е. Никитина // Динамические процессы в лексике и грамматике славянских языков : сб. материалов Междунар. интернет-конф., Умань, 30–31 дек. 2015 г. [Электронный ресурс]. – 2016. – Режим доступа : <http://slavonic-languages.webnode.com.ua/news/nadezhda-nikitina-k-probleme-stilisticheskoy-adekvatnosti-avtorskogo-perevoda/>. – Дата доступа : 05.05.2017.

14. Никитина, Н. Е. Проблема фразеологической эквивалентности в авторских переводах с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Кулешовские чтения : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Могилёв, 21 апр. 2016 г. / под общ. ред. С. Э. Сомова. – Могилёв : МГУ. – 2016. – С. 151–155.

15. Никитина, Н. Е. Соотношение видо-временных форм глаголов при авторском переводе с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Язык – литература – культура (к 90-летию со дня рождения проф. Л. М. Шакуна) : сб. материалов Междунар. науч. конф., Минск, 15–16 сент. 2016 г. : в 2 ч. / Белорус. гос. ун-т. – Минск. – 2016. – Ч. 1 – С. 90–93.

16. Никитина, Н. Е. Реализация грамматической категории числа имени существительного при авторском переводе с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Языковая личность и эффективная коммуникация в современном поликультурном мире : сб. материалов II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17–18 нояб. 2016 г. / редкол.: О. И. Уланович [отв. ред.] и др. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 195–198.

17. Никитина, Н. Е. Об особенностях замены посессивных конструкций в условиях авторского перевода с белорусского языка на русский / Н. Е. Никитина // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология : актуальные вопросы и перспективы развития : материалы I Респ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 23–24 февр. 2017 г. / редкол.: О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2017. – С. 203–206.

Акты о внедрении НИР в образовательный процесс

18. Акт о внедрении в образовательный процесс УО «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка» разработки «Авторский перевод с белорусского языка на русский: билингвальный аспект» от 19.09.2016. – Утверждён проректором по научной работе БГПУ.

РЕЗЮМЕ

Никитина Надежда Евгеньевна

**Авторский перевод с белорусского языка на русский:
билингвальный аспект**

Ключевые слова: перевод, художественный перевод, авторский перевод, языковая личность, билингвизм, эквивалентность, переводческая трансформация, интерференция, интеркаляция.

Цель исследования: установить языковые особенности авторского перевода с белорусского языка на русский, рассмотреть их как проявление билингвальной языковой личности.

Методы исследования: сравнительно-типологический переводческий анализ, трансформационный анализ, лингвокультурологический анализ и элементы количественного анализа.

Полученные результаты и их новизна. Проведено комплексное исследование языковых особенностей авторского перевода на материале белорусскоязычных произведений В. Быкова, В. Козько и И. Мележа и их переводов на русский язык. Освещены лингвистические и коммуникативные аспекты авторского перевода на близкородственный язык как результата речевой деятельности билингвальной языковой личности; описана история авторского перевода с белорусского языка на русский в контексте мировой практики авторского перевода; исследованы проблемы межъязыкового взаимодействия близкородственных языков в авторском переводе; составлена типология переводческих трансформаций при авторском переводе и основных приёмов, соответствующих каждому типу; обоснована и реализована авторская модель вычисления индекса языковых нарушений в исходных текстах и авторских переводах.

Рекомендации по использованию полученных результатов. Результаты и материалы исследования могут быть использованы в процессе дальнейшего изучения переводческих аспектов творчества В. Быкова, В. Козько и И. Мележа в высшей и средней школе, при подготовке теоретических и практических курсов по сравнительной стилистике, сравнительной лексикологии, лингвокультурологии, филологическому анализу художественного текста, основам перевода и редактирования художественных текстов, а также при выполнении исследований, посвящённых проблемам билингвизма и авторского перевода, и в переводческой практике.

Область применения: сравнительная типология белорусского и русского языков, лингвокультурология, филологический анализ художественного текста, практика перевода.

РЭЗІЮМЭ

Нікіціна Надзея Яўгеньеўна

**Аўтарскі пераклад з беларускай мовы на рускую:
білінгвальны аспект**

Ключавыя словы: пераклад, мастацкі пераклад, аўтарскі пераклад, моўная асоба, білінгвізм, эквівалентнасць, перакладчыцкая трансфармацыя, інтэрферэнцыя, інтэркаляцыя.

Мэта даследавання: устанавіць моўныя асаблівасці аўтарскага перакладу з беларускай мовы на рускую, разгледзець іх як праяву білінгвальнай моўнай асобы.

Метады даследавання: параўнальна-тыпалагічны перакладчыцкі аналіз, трансфармацыйны аналіз, лінгвакультуралагічны аналіз і элементы колькаснага аналізу.

Атрыманыя вынікі і іх навізна. Праведзена комплекснае даследаванне моўных асаблівасцей аўтарскага перакладу на матэрыяле беларускамоўных твораў В. Быкава, В. Казько і І. Мележа і іх перакладаў на рускую мову. Асветлены лінгвістычныя і камунікатыўныя аспекты аўтарскага перакладу на блізкароднасную мову як выніку маўленчай дзейнасці білінгвальная моўнай асобы; апісана гісторыя аўтарскага перакладу з беларускай мовы на рускую ў кантэксце сусветнай практыкі аўтарскага перакладу; даследаваны праблемы міжмоўнага ўзаемадзеяння блізкароднасных моў у аўтарскім перакладзе; створана тыпалогія перакладчыцкіх трансфармацый пры аўтарскім перакладзе і асноўных прыёмаў, адпаведных кожнаму тыпу; абгрунтавана і рэалізавана аўтарская мадэль вылічэння індэкса моўных парушэнняў у зыходных тэкстах і аўтарскіх перакладах.

Рэкамендацыі па выкарыстанні атрыманых вынікаў. Вынікі і матэрыялы даследавання могуць быць выкарыстаны ў працэсе далейшага вывучэння перакладчыцкіх аспектаў творчасці В. Быкава, В. Казько і І. Мележа ў вышэйшай і сярэдняй школе, пры падрыхтоўцы тэарэтычных і практычных курсаў па параўнальнай стылістыцы, параўнальнай лексікалогіі, лінгвакультуралогіі, філалагічным аналізе мастацкага тэксту, асновах перакладу і рэдагавання мастацкіх тэкстаў, а таксама пры выкананні даследаванняў, прысвечаных праблемам білінгвізму і аўтарскага перакладу, і ў перакладчыцкай практыцы.

Вобласць прымянення: параўнальная тыпалогія беларускай і рускай моў, лінгвакультуралогія, філалагічны аналіз мастацкага тэксту, практыка перакладу.

SUMMARY

Nadezhda Nikitina

Self-translation from Belarusian into Russian: bilingual aspect

Key words: translation, literary translation, self-translation, linguistic personality, bilingualism, equivalence, translational transformation, interference, intercalation.

The purpose of the research: to establish the linguistic features of the self-translation from Belarusian into Russian, to consider them as a manifestation of the bilingual linguistic personality.

Methods of research: comparative-typological translation analysis, transformational analysis, linguoculturological analysis and elements of quantitative analysis.

The results obtained and their novelty. In this thesis the complex research of the linguistic features of the self-translation has been conducted on the material of the Belarusian-language works by V. Bykov, V. Kozko and I. Melezh and their translations into Russian. The linguistic and communicative aspects of the self-translation into a closely related language are clarified as a result of the speech activity of the bilingual linguistic personality; the history of the self-translation from Belarusian into Russian is described in the context of the world self-translational practice; the problems of interlingual interaction between closely related languages in the self-translation are investigated; a typology of translational transformations in the self-translation and basic techniques corresponding to each type has been composed; the author's model of calculation of language infringements index in original texts and self-translations is justified and realized.

Recommendations on application of the obtained results. The results and materials of the research can be used in the further study of the translation aspects of V. Bykov, V. Kozko and I. Melezh at the university and at school, in the preparation of theoretical and practical courses in comparative stylistics, comparative lexicology, linguoculturology, philological analysis of the literary text, the basics of translating and editing of the literary texts, as well as in the implementation of researches devoted to the problems of bilingualism and self-translation and in the practice of translation.

Sphere of application: comparative typology of the Belarusian and Russian languages, linguoculturology, philological analysis of the literary text, practice of translation.